

теплая чудная Италія, о которой я много читалъ и еще больше слышалъ. Я часто напѣвалъ: „Kennst du das Land?..“ Туда!.. Туда и Боткинъ посылаетъ меня—въ уголочекъ рая, спавшій съ неба. Что можетъ быть болѣею наградою для кончающаго художника? Я сгоралъ отъ нетерпѣнія скорѣе туда ѣхать, стремился туда душою и тѣломъ. Наконецъ, третій звонокъ, прощанье, маханье шапками и платками...

Поездъ мчался, точно зналъ, что везетъ счастливца, полного надеждъ на лучшую будущность... Еслибы ты зналъ, какія думы я тогда думалъ, какую будущность себѣ создавалъ, какіе идеалы, какіе образы тѣснились въ моемъ воображеніи — но объ этомъ въ другой разъ... Не стану также теперь описывать тебѣ все мое путешествіе вплоть до Сорренто; скажу только, что оно было полно курьезовъ.

Оставилъ я Петербургъ, занесенный снѣгомъ, а тутъ сижу на террасѣ надъ высокой обрывистой скалой, прямо спускающейся въ море, сижу въ тѣни виноградной лозы; передо мной Неаполитанскій заливъ, играющій чудными отливами, а на дальнемъ горизонтѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ глазъ нуждается въ отдыхѣ, раскинутъ чудный видъ — видъ Неаполя и Позилиппо, плавно спускающійся къ горизонту, потомъ море и затѣмъ опять плавный и гордый подъемъ до самаго кратера Везувія. Чтò это за гармонически-математическая линія, точно гигантскій канатъ, колыхающійся надъ океаномъ! А Везувій, живой Везувій, отливающий изумрудными красками, въ особенности при закатѣ солнца! Его дыханіе поднимается ровной струей высоко, высоко въ чистомъ лазурномъ небѣ, не помраченномъ ни единымъ облачкомъ... Бывало, сидишь, любишься — проходитъ часъ, два... но затѣмъ отмѣчать время... я созерцаю величіе природы, я спокоенъ душою и счастливъ... А знаешь, другъ, человѣкъ можетъ возмущать, музыка волновать, природа же всегда успокаиваетъ.

Доканчиваю свои записки уже далеко отъ родины, среди культурной жизни, полной прелести... но чужда она мнѣ, моему внутреннему настроенію... Я люблю ее, какъ античную статую, которая ласкаетъ мой глазъ, но не трогаетъ чувства. Поневолѣ переносюсь я мысленно къ тебѣ, туда на сѣверъ, въ родной пчельникъ, и сладокъ для меня его медъ, только иногда пчелы больно кусаются; но все-таки боль проходитъ, и я опять стремлюсь къ тебѣ на сѣверъ. Еслибы ты зналъ, чѣмъ владѣешь... какъ богатъ этотъ сѣверъ, какъ грандіозна и стройна его природа, какое въ ней разнообразіе, что за широта, что за типы,